

I. ROZPRAWY I ANALIZY

Светлана М. Толстая
(Москва)

РУССКАЯ ЧЕСТЬ И ПОЛЬСКИЙ HONOR

Концепт ЧЕСТЬ имеет две стороны – «внешнюю» (почитание, уважение и далее – почет, почести, знаки уважения, награда) и «внутреннюю» (высокие моральные качества, моральный кодекс личности). В выражении *оказать честь, в честь кого-л., быть в чести, честь и слава героям, чувствовать, почести, честолюбие* и т.д. мы имеем дело в «внешней» честью, а в выражениях *человек чести, задеть чью-нибудь честь, честное слово, честный человек, по-честному* и т.п. – имеется в виду «внутренняя» честь, т.е. свойство или совокупность свойств, присущих носителю чести. *Честь* во «внешнем» и *честь* во «внутреннем» значении употребляются в разных контекстах и входят в разные синонимические ряды: «внешняя» *честь* оказывается синонимична таким словам, как *уважение, поклонение, почет, слава, репутация, реноме, имя* и т.п., а «внутренняя» *честь* – таким словам, как *достоинство, порядочность, справедливость, правдивость, совесть, искренность, верность, долг, целомудрие* и т.п. Эта двойственность понятия «честь» и лексики чести прослеживается во всех славянских языках. В русском языке оба вида понятий выражаются словом *честь* и его дериватами.

Слово *честь* известно всем славянским языкам – праслав. *čьstь происходит от глагола *čisti / čьsti – čьtq* (ЭССЯ 4: 119, 175–176), означавшего ‘читать, почитать’ (наряду с другими значениями – ‘считать’, ‘читать’, ‘наделять значением’, ‘думать, полагать’), и имеет пер-

воначальное стандартное «акциональное» значение ‘почитание, уважение’, которое далее закономерно развивает, наряду с акциональным, абстрактное «предметное» значение – ‘почет’, а затем и более конкретное предметное значение – ‘почести, знаки уважения, награда’.

Семантическая структура исходной ситуации, обозначаемой глаголом *čisti* (*čьsti*) в значении ‘читать (почитать)’, предполагает существование, во-первых, **субъекта** (того, кто почитает, ср. ст.-слав. **чъстивъ** ‘учтивый, вежливый, аще кто тебе чсть творить’, рус. *почитатель*, устар. *честитель* ‘почитатель, блюститель’), во-вторых, **объекта** (предмета почитания, того или чего, что почитают, ср. почтительное обращение *ваша честь*, призыв *честь ему и слава* и т.п.), в-третьих, самого **отношения** субъекта к объекту, выражаемого предикатом ‘читать, почитать’ и именными дериватами типа *почитание*, *почет*, *почесть*; в-четвертых, еще одного актанта – того, за что данный объект почитается, т.е. «причины», или **основания** почитания, как правило, имплицитного (лексически не выраженного).

Эта ситуация соответствует изначальному, «внешнему» понятию чести, производному от семантики предиката; она отражена в древнейших значениях существительного *честь* и его дериватов во всех славянских языках. Семантика «внутренней» чести, по-видимому, возникает вторично, в результате семантического развития «внешней» чести, и в этом развитии существенную роль играет именно последний, четвертый актанта, заключающей в себе «основание» почитания. Именно с ним связано появление значений, относящихся не к почитанию объекта (лица) со стороны других лиц (ср. *оказать честь*, *воздать честь*), а к личным свойствам почитаемого человека, т.е. тем моральным качествам, которые служат основанием для его почитания (уважения) со стороны других. Иначе говоря, *честь* во «внутреннем» значении – это то, за что почитаемое лицо пользуется уважением (это прежде всего благочестие, соблюдение религиозных и моральных норм).

Разумеется, существуют контексты диффузного характера, в которых указанные два типа значений совмещаются или различаются нечетко, например, рус. *бесчестить* (ср. *обесчестить девушку*) может означать и ‘лишать уважения других’, и ‘лишать «внутренней» чести, достоинства’. В выражении *Это затрагивает его честь* может иметься в виду как значение ‘репутация’, так и значение ‘достоинство’, тогда как *Это оскорбляет его честь* подразумевает скорее чувство собственного достоинства, чем репутацию. Пословица *Береги честь смолоду* подразумевает прежде всего «внешнюю» честь, доброе имя, уважение окружающих, но отчасти имеет в виду и верность усвоенным с молодости

собственным высоким моральным принципам, т.е. «внутренней» чести.

Однако общая тенденция к разграничению или даже поляризации значений несомненна. Часть многозначных слов утрачивает одно из значений, например, в русском языке *честный* могло иметь, с одной стороны, «внешнее» значение ‘уважаемый, почетный, перевозимый, прославляемый’: *Законоучитель честен всем людям* (т.е. он объект почитания, почитаемый), а с другой – ‘тот, в ком есть честь, достоинство, благородство, доблесть и правда; человек прямой, правдивый, неуклонный по совести своей и долгу; надежный в слове, кому во всем можно доверять’ (Даль IV: 1327). Наречие *честно* в прошлом могло значить и ‘с честью, почетно, почтительно’: *Не честно приняли его, Не честно просишь, нехотно дать*, и ‘справедливо’: *честно выиграть*, и ‘добросовестно’: *честно трудиться* (Там же). В обоих случаях первое («внешнее») значение ушло из употребления, уступив место «внутренней» семантике честности. Или же слова начинают разграничиваться какими-то формальными признаками, например, в русском языке семантически разошлись *честный* и *честной*: первое закрепило за собой только «внутреннюю» семантику (‘порядочный, справедливый, добросовестный’), а второе (хотя и устаревшее) сохранило «внешнюю» семантику ‘почтенный, уважаемый’: *при всем честном народе, честная компания*.

Эти два вида значений, условно названные здесь «внешними» и «внутренними», представляют собой не единичные значения, а целые автономные блоки значений со своей особой семантической структурой и линиями развития. Например, «внешний» блок может включать такие (производные от первичного) более узкие и специальные значения, как ‘чествование, торжество, празднование, праздник’ (диал. *звать на честь*), и далее ‘угощение’ (*Была бы честь предложена, а от убытку Бог избавил*; диал. *честить* ‘радушно угощать’, *честь, почесть, почестье*), ‘приданое невесты’ (вологод. *Придут от жениха сваты и смотрят, какая честь у невесты-то* – СВГ 12: 39), ‘высокое звание, чин, должность’ (*Прибавят чести и дадут жалованья*), *почести* ‘дары, приношения участникам свадьбы’ (СРНГ 31: 6); ‘награда’, ‘соблюдение (законов, приличий и т.п.)’ а «внутренний» – такие значения как ‘правдивый, искренний’, ‘порядочный’ (рус. *честно говоря* = *откровенно говоря, по правде говоря*) и др.

В старославянском языке слова интересующего нас гнезда имели преимущественно «внешнюю» семантику, т.е. значения, отражающие не внутренние моральные свойства личности, а отношение к человеку (или явлению) других людей. Так, по данным Пражского словаря, слово

ЧЬСТЬ имело значения ‘почтение, уважение, почет’, ‘почитание, культ, религия’, и далее могло означать ритуальные формы проявления этого отношения – ‘чувствование, празднование, праздник, торжество’, а также предметные знаки этого отношения – ‘дар, награда’, затем вообще ‘ценность, драгоценность’: **ЧЬСТЬНОЕ КАМЕНИЕ** ‘драгоценные камни’ (SSJ 4: 902–905). Прилагательное **ЧЬСТЬНЪ** имело прежде всего «объектное» («пассивное») значение ‘почтенный, достойный уважения, досточтимый’, т.е. тот, кого почитают, но могло иметь и «субъектное» значение ‘благочестивый, почитающий Бога, богобоязненный, религиозный’, т.е. тот, кто почитает (SSJ 4: 905–908). Именно такие «субъектные» значения стали основой дальнейшего семантического развития в сторону «внутренних» значений, относящихся к моральным характеристикам человека (‘чтущий Бога, богобоязненный, благочестивый’ > ‘обладающий высокими моральными качествами’). Пражский словарь отмечает и некоторые случаи, в которых можно усматривать «внутреннюю» семантику, например, **ЧЬСТЬ ВЫСОТЫ** ‘высокомерие’ (SSJ 4: 904), **ЧЬСТЬНЪ** ‘святой’ (SSJ 4: 907), однако в большинстве примеров представлено диффузное значение, сохраняющее «внешнюю» семантику почитания.

Древнерусский язык более определенно демонстрирует «внутреннюю» семантику интересующих нас слов, например, *чьстью* в значении ‘добросовестно, честно’ (близком к современному): честно боронивь отчину свою (I Псковская летопись, цит. по Срезневский 3:1573), наряду с «внешним» значением: держати княжение мое честно и грозно ‘поддерживать власть в почтении и страхе’ (Там же) .

В русском языке заметна тенденция к фразеологизации «внешних» употреблений слова *честь*, закреплению слова за ограниченным числом конструкций типа *оказать честь*, *делать честь*, *в честь кого-л./ чего-л.*, разг. *не в чести*, разг. *много чести*, *быть в чести* и т.п. Есть такие конструкции и с «внутренней» честью: *по чести сказать*, *честь честью* и др., однако в свободном употреблении слово *честь* и его дериваты (*честный*, *честно*, *честность*) развивают в русском языке главным образом «внутреннюю» семантику, связанную с личными моральными качествами и установками человека. В современном языке наблюдается резкое сужение семантики наиболее частотных дериватов слова *честь* прежде всего прилагательного *честный*, которое означает почти исключительно ‘правдивый, лишенный обмана’. Вместе с тем в диалектном употреблении *честь*, *честный* приобретает, наоборот, слишком общее, аксиологически окрашенное значение ‘хороший, правильный, такой, как надо’, ср. вологод. *Всё честью сделал*; *Чест-*

ного слова они не понимают, всё ругаться надо (СВГ 12: 38–39).

Прототипическим субъектом признака «честный» является человек в его самых разнообразных ипостасях (*честный* гражданин, работник, руководитель, следователь, предприниматель, партнер, христианин, ученый и т.д.), причем это свойство человека как личности точнее всего толкуется через отрицание: честный человек не лжет, не крадет, не берет взятки, не обсчитывает, не халтурит и т.д., вообще не идет против совести. Если же речь идет о человеке, идентифицируемом по роду занятий (рабочий, купец, губернатор, врач, депутат, исследователь, офицер, судья и т.д.), то *честный* означает ‘добросовестный’ (*честный труженик*) или ‘приверженный корпоративной чести’; *честным* может быть даже вор, в этом случае имеется в виду его приверженность кодексу воровской «чести». Носителем признака «честный» может быть не сам человек, а метонимически – действие или деятельность, совершаемые им *честно*, т.е. без обмана и по совести, или их результат (*честный обмен, делёж, заработок, выигрыш, бизнес, служба, бюджет, ответ, образ жизни, бой, счет, подход, журнал, роман* и т.д.). В последнее время появились такие непривычные выражения, как, например, *честный бетон* (так пишут на рекламных щитах) – бетон, приготовленный с правильным соотношением цемента и песка, т.е. без обмана, как положено, с соблюдением правил, или *честный помидор*, т.е. подлинный, настоящий: *Простой честный помидор имел в этом магазине цену и упаковку папайи* (из телевизионной передачи), *честный автобус* и т.п.

Такое семантическое развитие, сужающее семантику *честного* до значения с внутренним отрицанием: *честный* ‘не лживый, не обманный’ или ‘не тайный (открытый)’ (ср. *честно говоря* = *откровенно говоря, по правде говоря*) свидетельствует о том, что важной ценностью для современного языка оказывается ПРАВДА и СПРАВЕДЛИВОСТЬ, тогда как изначально с честью связывалось прежде всего понятие о СЛАВЕ, ПОЧИТАНИИ, УВАЖЕНИИ.

Интересные рассуждения о понятии «честный» и «честность» содержатся в романе Л.Н.Толстого «Анна Каренина». Москвич Стива Облонский (Степан Аркадьич) рассказывает своему шурину петербургскому сановнику Каренину об обещанном ему хорошем месте в одном важном учреждении:

Место это, как и все такие места, требовало таких огромных знаний и деятельности, которые трудно было соединить в одном человеке. А так как человека, соединяющего эти качества, не было, то все-таки лучше было, чтобы это место занимал честный, чем нечестный человек. А Степан Аркадьич был не только человек честный (без ударения), но он был *честный* человек (с ударением), с тем особенным значением, которое в Москве имеет это слово, когда говорят: *честный* деятель,

честный писатель, честный журнал, честное учреждение, честное направление, и которое означает не только то, что человек или учреждение не бесчестны, но и то, что они способны при случае подпустить шпильку правительству. Степан Аркадьич вращался в Москве в тех кругах, где введено было это слово, считался там честным человеком и потому имел более, чем другие право на это место.

[...] – Да, но ты согласишься, что открывается новое, несомненно полезное учреждение. Как хочешь, живое дело! Дорожат в особенности тем, чтобы дело ведено было честно, – сказал Степан Аркадьич с ударением.

Но московское значение *честного* было непонятно для Алексея Александровича.

– Честность есть только отрицательное свойство, – сказал он.

(Л.Н.Толстой. Анна Каренина. Часть 7. Глава XVII)

Современный читатель с удивлением узнает, что то значение *честного*, соединяющее в себе не только моральную, но и политическую (или идеологическую) оценку, которое нам кажется новым в русском языке, появившимся совсем недавно (ср. лозунг «За честные выборы!», см. статью И.А.Седаковой в настоящей книге), – существовало уже в середине XIX века и такими чуткими к языку лицами, как Толстой, улавливалось. Еще одно замечание Толстого – об «отрицательности» свойства честности – обнаруживает в нем тонкого семасиолога, способного на уровне современной семантической науки определить семантическую структуру слова, включающего внутреннее отрицание (*честный* НЕ лжет, НЕ крадет, НЕ делает подлости и т.п.).

Когда мы читаем у Пушкина в «Евгении Онегине»: «Но мне порукой ваша честь и смело ей себя вверяю» (письмо Татьяны к Онегину) или «Я знаю, в вашем сердце есть и гордость, и прямая честь» (слова Татьяны Онегину), то мы понимаем, что речь идет о моральной сущности Онегина, о его личных качествах и его личном достоинстве, его благородстве и порядочности, которым доверяет Татьяна, а вовсе не о его репутации. Но когда в стихотворении Лермонтова «На смерть поэта» мы читаем: «Погиб поэт – невольник чести, пал, оклеветанный молвой», то нам очевидно, что речь идет уже о какой-то другой чести – ведь поэт пал жертвой не своего благородства, но и не своей репутации, – он пал жертвой своей верности дворянской чести, т.е. кодексу жизни и поведения, выработанному определенной социальной группой. Такая семантика «коллективной» или «групповой» чести в современном русском языке очень активна, ср. *офицерская честь, дворянская честь, честь школы, честь страны, врачебная честь, спортивная честь* и т.п. Эту честь обычно *защищают*, за нее *борются* или же ее *позоряют, пятнают*; этой чести необходимо следовать (ср. *Жить живи, да честь знай: чужого веку не заедай!*; *Пора и честь знать*, т.е. не нарушать установленных правил). Она одновременно имеет отношение и к «внутренней»

чести человека (потому что это «достоинство» группы и тем самым достоинство каждого ее члена), и к «внешней» чести (т.е. к репутации всей группы, например, школы, армии, науки и т.д., и тем самым к репутации каждого члена группы). Вместе с тем подобные значения отчасти переводят семантику чести из сферы морали в сферу установлений, закона, потому что обычно существуют некие писанные или неписанные кодексы чести, диктующие правила поведения (Санников 2006, Шмелев 2002).

Таким образом, в русском языке наблюдается постепенное ослабление «внешней» семантики *чести*, связанной с уважением и почитанием, закрепление ее за клишированными контекстами и усиление и развитие семантики «внутренней» чести. «Внешняя» семантика прилагательного *честный*, т.е. значения 'почитаемый, уважаемый, пользующийся признанием, известный' (ср. «Славен у чуждих, бесчестен у своих!» – Феофан Прокопович. Слово о власти и чести царской, 1718 г.) в современном языке полностью вытеснены из употребления и воспринимаются как сугубо устаревшие. Ср., однако, в наше время обращение патриарха Алексия II к своей пастве: «Возлюбленные о Христе Преосвященные архипастыри, боголюбивые пастыри, бесчестные иноки и инокини, дорогие братья и сестры» (Журнал Московской патриархии. 2004/1: 26), где слова *бесчестные иноки и инокини* означают, конечно, только 'безвестные, незаметные, скромные'; такое употребление вне специального церковного контекста совершенно невозможно.

В польском языке сфера значений слова *cześć* уже, чем у русской *чести*, поскольку часть смыслов, прежде всего относившихся к «внутренней» чести, перешла к латинскому заимствованию *honor*¹. Однако польские слова *cześć* и *honor* не распределились строго по линии «внешняя – внутренняя» честь, а оба остались многозначными, хотя и в разной степени и применительно к разным контекстам.

При этом в латинском языке у слова *honor* преобладали как раз «внешние» значения, относящиеся не к самоощущению и моральным принципам личности, а к восприятию человека или явления другими людьми, а именно значения: 1) честь, почесть, почет, уважение (выражения типа «оказать честь», «быть в чести», «считать честью», «в честь кого-л., чего-л.» и т.п.); 2) слава; 3) почетная должность, государственная пост; 4) почетная награда, награждение, вознаграждение; 5) благодарственная церемония, воздание хвалы, хвалебный гимн; 6) жертвы; 7) поэтич. украшение, краса (Дворецкий 1976: 478) и отсутствовали значе-

¹ Этот латинизм, заимствованный из польского, есть и в русском языке, но в показательном узком значении: *гонор* 'преувеличенная гордость, высокомерие'.

ния, связанные с моралью, личным достоинством, и прочите значения «внутреннего» ряда.

Эти же «внешние» значения преобладают и у старопольского *cześć*: 1) *cześć, dobre imię, honor*; 2) *chwała, sława, rozgłos*; 3) *cnota, dobre obyczaje*; 4) *siła, moc*; 5) *szacunek, uszanowanie*; 6) *godność, zaszczyt*; 7) *ozdoba, chluba* и нек. др. (SSp I/6: 375–378). В польских диалектах, как и в литературном языке, тоже фиксируются исключительно «внешние» значения: 1) *szacunek, poważanie, uznanie, kult, uwielbienie*; 2) *uczta*; 3) *honor, dobre imię, godność osobista* (с примерами типа *Naved dlo matki sfoii ni miou ćci*); 4) *rodzaj pozdrowienia* (SGP V/13: 121). При этом для выражения «внутренних» значений чести в старопольском используются некоторые дериваты от *cześć*. Так, прилагательное *uczciwy*, производное от *uczcić* с «внешней» семантикой чести, уже имеет в качестве основного «внутреннее» значение ‘*zgodny z zasadami prawa i moralności*’ (SSp IX/4(58): 295).

В словаре Дорошевского (SJPD 1: 1137–1138) *cześć* получает дефиниции, относящиеся главным образом к «внешнему» типу значений, а именно: 1) *szacunek, poważanie – Darzyć cześć, ku czci, na cześć, odbierać cześć, Cześć jego pamięci*; 2) *honor, dobre imię godność osobista – Mściwi i zazdrośni ludzie szarpali jego sławę, odsądzali go od czci i wiary* (= *rozbawiali go szacunku, poważania*). Но в примере *człowiek bez czci i wiary* мы имеем дело уже с «внутренней» трактовкой чести (ср. рус. *человек без стыда и совести*); 3) *rodzaj pozdrowienia – Cześć pracy!* (= рус. *Слава труду!*); 4) *daw. tytuł grzecznościowy – wasza cześć* (= рус. обращение *Ваша честь*). Прилагательные с «внутренней» семантикой *czesny, czestny* ‘*заспу, учциwy*’ в современном языке являются архаизмами.

Основным лексическим знаком для выражения всего спектра концепта ЧЕСТЬ в польском языке стал латинизм *honor*. Но, в отличие от латинского слова, польский *honor* свободно выражает «внутреннюю» семантику чести как элемента самосознания и самоощущения, того, что в словаре Дорошевского определено как ‘*godność osobista, uczciwość, szlachetność*’: *Punktem jego honoru, patriotyzmem jego stawala się wolność* (SJPD 3: 100–102). Ясно, что здесь идет речь о личных моральных принципах, а не о репутации. То же значение имеет *honor* в выражениях *słowo honoru* (= рус. *слово чести* или *честное слово*); *sprawa honoru* (= рус. *дело чести*), *dług honoru* (= рус. *долг чести*), *śąd honoru* (= рус. *суд чести*), *na honor* (= рус. *честно говоря, ей-богу*).

Честь как уважение и почитание (т.е. «внешняя» честь, *zaszczyt*) выражается словом *honor* и его дериватами, как правило, в идио-

матических конструкциях и особых формах. Множественная форма *honory* получает значение ‘почести’, ‘знаки отличия’: *uczczyc honorami wojskowymi*; выражения типа *zrobic honor* ‘оказать честь’ или *Z kim tam honor?* ‘с кем имею честь?’ трактуют *honor* как ‘уважение, признание, почет’, т.е. как знак «внешнего» отношения и оценки. Прилагательное *honorowy* имеет оба типа значений: с одной стороны, связанное с «внутренним» понятием чести, порядочностью: *Niehonorowym jest tchorzstwo*, с другой – с «внешней» честью, почетом: *Matejko byl honorowym obywatelem Krakowa, straz honorowa* ‘почетный караул’. Производный глагол *honorowac* имеет уже только «внешнюю» семантику: ‘okazywac honor, czesc’ ‘uznawac co za prawomocne’ (SJPD 3: 103–104).

Во многих случаях параллелью к польскому *honor* в русском языке оказывается не *честь*, а *достоинство* (пол. *godnosc osobista*) – слово, которое в современном языке относится прежде всего к внутреннему миру отдельного человека, его личным качествам и способу его поведения (*чувство собственного достоинства, достойно себя вести, затронуть честь и достоинство человека* и т.п.), но никак не к тому, что связано с восприятием и оценкой человека другими людьми. Если «внутренняя» *честь* предполагает уважение к другим и диктует этические правила поведения (правдивость, благородство, уважение чужого достоинства и др.), то *достоинство* связано с сознанием собственной ценности как личности (или как члена некоторой группы), с самоуважением, диктующим соответствующее поведение человека.

Польское слово *godnosc* в одних случаях соответствует русскому *честь*, в других – рус. *достоинство*. В работе Р. Гжегорчиковой (Grzegorzczukowa 2012) слову *godnosc* приписываются следующие главные значения, относящиеся к человеку: 1) «общечеловеческая», объективная ценность человека, независимо от его личных качеств и осознания им своей ценности (= рус. *человеческое достоинство*), 2) поведение человека, основанное на признаваемой им системе моральных ценностей (= рус. *честь, честность, отчасти достоинство*), 3) сознание собственной ценности и чувство самоуважения (= рус. *достоинство*), 4) моральные ценности, присущие национальным, профессиональным и пр. объединениям (группам) людей (= рус. «групповая *честь*). При этом отмечается диффузный характер семантики этого слова («niedookreśloność semantyczna»), нестрогое разграничение отдельных значений при сохранении «инвариантного» значения ‘признание ценности человека им самим и другими людьми’.

А.В. Санников, сопоставляя понятие «честь» и «достоинство», приходит к заключению, что «*Честь* отличается от достоинства и тем, что

связана с мнением о человеке других людей, в то время как *достоинство* совершенно независимо от такого мнения. Потеря чести связана с позором для человека, утрата достоинства – с ущербом для его личности. Поэтому сохранить сознание собственной ценности, на которое указывает слово достоинство, можно и в одиночестве, тогда как соответствие морально-этическим правилам, описываемое словом честь, возможно только тогда, когда есть другие люди. Сохранить достоинство можно и на необитаемом острове, тогда как понятие чести связано с социумом. [...] Связь семантики чести с мнением других людей выступает на первый план в контекстах типа *постоять за честь российского спорта (честь школы)*, а также в значении лексемы *честь* 2 (≈ ‘почет, уважение’) (Санников 2006: 418). Между тем далее утверждается, что «в норме *достоинство* предполагает не только высокую самооценку субъекта, но и соответствующее отношение со стороны других людей. Тем не менее, этот смысловой компонент не является для семантики достоинства обязательным» (Там же). Заметное противоречие между приведенными высказываниями объясняется тем, что понятие честь рассматривается здесь только в аспекте «внешней» семантики и вне семантического спектра дериватов слова *честь*. В связи с этим заслуживает внимания тот факт, что польское слово *godność*, в отличие от рус. *достоинство*, имеет оба типа значений – как не связанного «с мнением других людей» (*poczucie własnej wartości, szacunek dla samego siebie; honor, duma*), соответствующего рус. *достоинство*, так и предполагающего оценку человека другими людьми (*Nie był wprawdzie bogaty, cenił jednak wysoko swą oficerską godność; obsypany godnościami*) (SJPД 2: 1209–1210), соответствующего рус. *честь*.

Таким образом, как в русском, так и в польском языке понятия ЧЕСТЬ и ДОСТОИНСТВО обнаруживают близость и пересечение. В обоих языках обозначающие их слова – рус. *честь, достоинство*, пол. *cześć, honor, godność* – нестрого разграничены между собой и в некоторых контекстах оказываются взаимозаменяемыми, а нередко образуют устойчивые сочетания типа рус. *честь и достоинство человека* (ср. также устойчивое выражение *честь и совесть* (или *ни чести ни совести*) с «внутренней» семантикой чести в отличие от столь же устойчивого *честь и слава* с «внешней» семантикой). С другой стороны, между русскими и польскими словами тоже наблюдаются перекрестные отношения. Как было показано, русскому слову *честь* может соответствовать в польском как *cześć*, так и *honor* и *godność*. Однако в польском языке мы не наблюдаем такого сужения значения, которое характерно для современного русского *честный, честность* ‘тот, кто не лжет, не

обманывает и т.д.», ‘правдивость, порядочность и т.п.’, при этом соответствующие понятия приверженности правде выражаются в польском языке другими словами того же гнезда – *uczciwy, zasny, uczciwość* и т.п.

Общей для обоих языков является историческая тенденция к выражению «внутренней» семантики слов *честь* и *honor*, отражающая актуальное для культуры нового времени внимание к внутреннему миру человека, к свойствам его личности. Вместе с тем, эти «новые» значения раскрывают аксиологическое содержание и мотивы исконных значений *чести* и *honora* как формы «внешнего», общественного признания, уважения и почитания.

Сокращения

- Дворецкий 1976 – Дворецкий И. Х., *Латинско-русский словарь*, М., 1976. Изд. 2.
Санников 2006 – Санников А. В., *Понятия достоинства и смирения // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян*. М., 2006. С. 405–468.
СВГ – *Словарь вологодских говоров*, Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12.
Срезневский – Срезневский И. И., *Материалы для Словаря древнерусского языка*, СПб., 1893–1903. Т. 1–3.
СРНГ – *Словарь русских народных говоров*, М; Л; СПб, 1965–, Вып. 1–.
Шмелев 2002 – Шмелев А. Д., *Русский язык и внеязыковая действительность*. М., 2002.
ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд*, / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–. Вып. 1–.
Grzegorzczukowa 2012 – Grzegorzczukowa R., *Różne rozumienia wyrazu godność we współczesnej polszczyźnie*, [w:] R. Grzegorzczukowa. *Świat widziany poprzez słowa. Szkice z semantyki leksykalnej*, Warszawa 2012, s. 76–92.
SGP – *Słownik gwar polskich*, t. 1–, z. 1–, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1979.
SJPD – *Słownik języka polskiego*, red. W. Doroszewski, t. 1–11, Warszawa 1958–1969.
SJS – *Slovník jazyka staroslověnského*, t. 1–4, Praha 1966–1997.
SSp – *Słownik staropolski*, t. 1–11, Warszawa–Kraków–Gdańsk 1953–2002.